

УДК 81.161.1'373.232.1

DOI 10.37972/chgpu.2022.115.2.014

Е. В. Огольцева

**АВТОРСКИЕ АНТРОПОНИМЫ КАК ЗНАКИ ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТОНИМОВ ПЛЮШКИН, ГАРПАГОН, ГОБСЕК)**

Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые закономерности процесса апеллятивации авторских антропонимов в процессе их функционирования в художественных и публицистических текстах. Исследование выполнено на материале трех функционально близких образов – *Плюшкин*, *Гобсек* и *Гарпагон*. Анализируется употребление этих слов в функции оценочной характеристики человека, их использование в качестве метафор. Рассматриваются также устойчивые сравнения, в структуре которых вышеназванные антропонимы функционируют в роли образной основы. При этом поэтонимы постепенно приобретают способность выражать понятия, становятся «предикатными» именами. Автор приходит к выводу, что данные образы выражают не только ядерный признак крайней скупости, но и целый ряд других качеств; они могут иметь в тексте не только отрицательную, но и положительную коннотацию. В статье выявляется общее и особенное в употреблении образов скупости: они сопоставляются по контекстной семантике, по сочетаемости. Функционирование в составе устойчивых сравнений и в качестве общеупотребительных метафор – важные факторы постепенного преобразования антропонимов в апеллятивы. Поэтонимы, становясь знаками вторичной номинации, претерпевают семантическую эволюцию – от идентифицирующей семантики к предикативной. Такая динамика определяется, с одной стороны, использованием в текстах ядерных семантических признаков номинативных единиц *Плюшкин*, *Гобсек* и *Гарпагон*, с другой стороны, – актуализацией периферийных признаков данных антропонимов.

Ключевые слова: *авторский антропоним, поэтоним, вторичная номинация, устойчивое сравнение, метафора*

Е. V. Ogoltseva

**AUTHOR'S ANTHROPONYMS AS SIGNS OF SECONDARY NOMINATION
(BASED ON THE MATERIAL OF THE POETONYMS PLYUSHKIN,
HARPAGON, GOBSEK)**

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Moscow, Russia

Abstract. The article examines some regularities of the process of the author's anthroponyms appeal in the process of their functioning in literary and journalistic texts. The study was carried out on the material of three functionally similar images – *Plyushkin*, *Gobsek*, and *Harpagon*. The use of these words in the function of the evaluation characteristics of a person, their use as metaphors is analyzed. Stable comparisons are also considered, in the structure of which the above-mentioned anthroponyms function as a figurative basis. At the same time poetonyms gradually acquire the ability to express concepts, become “predicate” names. The author comes to the conclusion that these images express not only the nuclear sign of extreme avarice, but also a number of other qualities; they can have not only a negative, but also a positive connotation in the text. The article reveals the general and special features in the use of images of avarice: they are compared by contextual semantics, by frequency, by compatibility. Functioning as part of stable comparisons and as commonly used metaphors are important factors in the gradual transformation of anthroponyms

into appellatives. Poetonyms, becoming signs of secondary nomination, undergo semantic evolution – from identifying semantics to predicative semantics. Such dynamics, on the one hand, is determined by the use of nuclear semantic features in the texts of the nominative units *Plyushkin*, *Gobsek*, and *Harpagon*, on the other hand, by the actualization of peripheral features of these anthroponyms.

Keywords: *author's anthroponym, poetonym, secondary nomination, stable comparison, metaphor*

Введение. В конце XX в. и в первые два десятилетия XXI в. получили развитие многие продуктивные идеи, связанные с авторской антропонимикой, с определением специфики «характеристических» имен и фамилий, с анализом семантических и прагматико-коммуникативных особенностей вымышленных имен и прозвищ, источником которых является художественный текст [3], [4], [14].

Онимы характеризуются целым рядом признаков, которые отличают их от апеллятивов: «Имена собственные в противоположность нарицательным ограничиваются одной функцией – обозначения, что позволяет им только различать, опознавать обозначаемые предметы, лица без указания на качественную, содержательную характеристику данного индивидуума или единичного предмета, факта» [13, с. 157]. У онимов отсутствует понятийная функция, но при этом проявляется яркое идентифицирующее значение. Сопоставляя предикатную и идентифицирующую лексику, Н. Д. Арутюнова отмечает, что «в наибольшей степени этими признаками (признаками «классических предикатов». – Е. О.) наделены качественные прилагательные, составляющие своего рода семантический эталон предикатов, подобно тому как стандартом идентифицирующих слов можно считать имена собственные <...>» [1, с. 39]. Однако авторские антропонимы образуют особый класс онимов, существенно отличающийся от остальных «имен собственных». В силу их глубокой ассоциативной связи с породившим их текстом они функционируют как «поэтонимы», укореняясь в общей системе образных средств, а вне этого текста склонны вовсе утрачивать статус идентифицирующих слов. «Поэтическое имя (поэтоним) – имя в художественной литературе, имеющее в языке произведения, кроме номинативной, характеризующую, стилистическую и идеологическую функции» [10, с. 108]. Яркий пример галереи поэтонимов – гоголевские помещики в романе «Мертвые души». Эти и подобные им образы анализируются с точки зрения психологического анализа того или иного типа личностной девиации [2], в аспекте психологии творчества и «технологии» создания гоголевских образов [5], с позиции теории прецедентности [12]. На наш взгляд, наименее разработанным участком в сфере поэтической ономастики является проблема исследования тех семантических трансформаций, которые претерпевают имена персонажей известных литературных произведений в результате их использования в общеупотребительных сравнительных структурах за пределами исходного текста. Цель статьи – анализ основных направлений семантического преобразования трех функционально близких поэтонимов – *Плюшкин*, *Гобсек* и *Гарпагон* – в художественных текстах и публицистике XIX–XXI вв.

Актуальность исследуемой проблемы. В свое время А. В. Суперанская выделила два типа информации, которую несет имя собственное: языковую (лингвистическую) и энциклопедическую. При этом «в поэтической ономастике языковая информация имени используется как стилистическое средство добавочной характеристики персонажей: Молчалин, Скалозуб, Коробочка, Плюшкин. Здесь языковые ассоциации собственных имен с нарицательными – породившими их апеллятивами помогают автору вскрыть черты характера героев, т. е. служат неязыковым целям» [11, с. 15]. На наш взгляд, авторские антропонимы характеризуются явным преобладанием «энциклопедической» информации, которую можно вскрыть посредством анализа их жизни «после текста», в котором они были рождены. Подобные имена характеризуются яркой тенденцией к деонимизации, поэтому

они употребляются в основном в качестве метафор (или в составе метафор) либо представляют собой ядерные, смыслообразующие компоненты в составе компаративных (сравнительных) структур разных типов. Анализ этих случаев представляется нам весьма *актуальной задачей*: именно в рамках подобных конструкций и раскрывается богатейший сигнификативный потенциал, с которым связаны экспрессивные функции поэтонимов, выходящие за рамки художественного текста, их породившего [7].

Материал и методы исследования. Исследуемым материалом выступили устойчивые сравнения и метафорические конструкции, в которых в качестве образов используются поэтонимы, ставшие символами крайней скупости. Источником иллюстративных примеров послужили Национальный корпус русского языка (НКРЯ) и картотека Словаря устойчивых сравнений русского языка [9]. При рассмотрении функций онимов используются метод контекстуального анализа, метод анализа словарных дефиниций, элементы компонентного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. В зависимости от источника можно выделить следующие группы антропонимов, выступающих в качестве образной основы той или иной компаративной конструкции либо входящих в состав сравнительной части в качестве смыслообразующего компонента: 1) имена и прозвища персонажей народных сказок: *как Илья Муромец, как Баба-яга, как Елена Прекрасная*; 2) имена исторических деятелей, ученых, философов: *как Мамай прошел, как Сократ, как Цицерон*; 3) имена, связанные с библейскими сюжетами: *как Иуда, как Соломон, как Каин*; 4) имена персонажей классической мифологии: *как Аполлон, как Геркулес, как Прометей, как авгиевы конюшни, как прокрустово ложе, как ариаднина нить, как ахиллесова пята, как Мегера, как Диана, как двуликий Янус*; 5) западноевропейские художественно-литературные источники: *как Дон Кихот, как Гамлет, как Ромео и Джульетта*; 6) отечественные художественно-литературные источники: *как Хлестаков, как Держиморда, как Скалозуб, как Молчалин, как Иудушка Головлев, как унтер Пришибеев, как Остап Бендер, как Эллочка-людоедка* [8, с. 77–79].

Некоторые из названных групп активно исследуются фразеологами, в частности, устойчивые сравнения с онимами-библейзмами [6]. В наименьшей степени исследованы, пожалуй, пятая и шестая группы. Между тем образы-поэтонимы порождают своеобразные серии человеческих типов. При этом они могут вступать между собой в своего рода синонимические связи, основанные на родстве коннотаций. Таковы, в частности, *Плюшкин, Гобсек и Гарпагон*, которые функционируют в составе устойчивых сравнений как эталоны крайней, патологической скупости.

Отметим, прежде всего, что из трех сопоставляемых онимов наиболее активен в образной («предикатной») функции именно колоритный гоголевский персонаж *Плюшкин*. В контекстах, извлеченных нами из картотеки и НКРЯ, как правило, получают развитие те сюжетные подробности романа, которые неразрывно связаны с мотивом болезненной, доходящей до абсурда, скупости: *Дядя Коля, как Плюшкин, ходит в рваном пальто цвета старого треснувшего гриба, с ключами, и тоже от нечего делать собирает всякую дрянь*. Сегодня мы нашли с ним крючок от штанов, стальной, с орнаментом. (М. М. Пришвин. Дневники); *Даже его союзники – денкиницы – считали, что д'Ансельм глуп, как пробка, и скуп, как Плюшкин*. (К. Г. Паустовский. Повесть о жизни. Время больших ожиданий). Признак «скупой, жадный» в русском языковом сознании не коррелирует непосредственно с признаком «бедный, неимущий»: с одной стороны, скупыми часто бывают именно состоятельные люди, в то время как щедрыми могут быть люди отнюдь не богатые: [Владелец рудника] *Владел миллионным состоянием, но скуп был, как Плюшкин. На станции, если в кошельке не оказывалось гривенника, он жалел дать носильщику двугривенный и говорил: – Останется, братец, за мной*. (В. В. Вересаев. Воспоминания).

Находящиеся в нашем распоряжении фрагменты из художественных текстов XIX–XXI вв. показали, что далеко не во всех случаях актуализируется ядерный признак «жадный, крайне скупой»; зачастую на первом плане оказываются как бы «сопутствующие» ему привычки, странности, чудачества человека, как правило, получающие негативную оценку: страсть к коллекционированию, собирательству (чаще бессистемному, бесцельному); стремление скрывать, прятать от посторонних глаз собранные ценности (деньги, продукты и проч.); склонность к тщательной, скрупулезной регистрации, фиксации чего-либо. В относительно редких случаях *Плюшкин* используется с противоположным аксиологическим вектором – для оценки бережливости, рачительности, хозяйственности или бережного, трепетного отношения к чему-либо: *Он [Петряков], как Плюшкин, теперь ходит, выискивает по дивизионным складам и пристанционным закоулкам любое бесхозное, приглянувшееся ему имущество, все, что может пригодиться в хозяйстве <...>*. (О. К. Кожухова. Ранний снег).

Мы обнаружили в основном подкорпусе лишь два примера употребления имени персонажа мольеровской комедии «Скупой» – *Гарпагон* – в структуре сравнения, в обоих случаях со словом-сопроводителем «скупой» в краткой форме: *Но там орудует «мадам». Она скупа, как Гарпагон. А теперь, вот, за ее скупость своими головами заплатит полсотни славных, хоть и пустоголовых ребят.* (М. К. Первухин. Вторая жизнь Наполеона); *[Граф Манчини, муж, отец Консуэлы]: Но имейте в виду, что папа Брике скуп, как Гарпагон.* (Л. Н. Андреев. Тот, кто получает пощечины). Как видим, образ *Гарпагон* употребляется и по отношению к мужчине, и по отношению к женщине, в то время как *Плюшкин* – почти преимущественно «мужской» образ.

Гобсек – старый ростовщик, знаменитый персонаж повести Оноре де Бальзака. Его имя встречается в текстах XIX–XXI вв. значительно чаще, чем *Гарпагон*. Отметим некоторые особенности функционирования этого антропонима в структуре сравнений.

1. Он реже, чем *Плюшкин* и *Гарпагон*, употребляется непосредственно со словом-сопроводителем *скупой* (*скуп, скупа, скупы*): *Он-то как раз человек влиятельный, хотя и скуп, как Гобсек.* (В. А. Каверин. Перед зеркалом).

2. Компаративные структуры с этой образной основой иллюстрируют не столько скупость (жадность), сколько страсть к накоплению и сохранению тех или иных материальных ценностей, к обогащению: *При Климове Марина, чтобы хоть как-то ограждать свое, делала множество записок: порой карманы ее старой одежды, где еще гуляла задубевшая дореформенная мелочь, бывали буквально набиты деньгами, зимнее пальто, украшенное рыхлой, полуразвалившейся лисой, иногда обогащалось, как Гобсек.* (О. Славникова. Бессмертный. Повесть о настоящем человеке // Октябрь, 2001). Обратим внимание, что в этом фрагменте налицо метонимический сдвиг: стремление к обогащению приписывается неживому предмету, атрибуту одежды – пальто.

3. В качестве признаков-оснований компаративных структур выступают те или иные детали сюжета рассказа-первоисточника, которые «переносятся» вместе с именем-«ярлыком» на характеризуемое лицо: *Позже месяцами, как Гобсек, ты достаешь свое сокровище «погулять».* (Т. Отойти в сторону и посмотреть); *Что я, как Гобсек, чахну над пластмассовыми кружочками, которые можно выбросить за борт, и мир от этого не переменится.* (Д. Каралис. Записки ретро-разведчика (Из варяг в греки) // «Нева», 2003).

4. Образ *Гобсек* может использоваться и для выражения самоиронии в тех случаях, когда рассказ ведется от первого лица и рассказчик именует *Гобсеком* самого себя: *Я был уверен, что не расстанусь с ними никогда, что буду перебирать мои книжки, как Гобсек. Любоваться, гладить, составлять библиографии по каждому поэту и художнику, подбирать по каждому поэту и художнику оригинальный материал... А потом оставлю мою коллекцию в дар Русскому музею и навсегда останусь в истории русского искусства...* (Е. В. Колина. Дневник измены).

Со всеми тремя устойчивыми сравнениями слово-сопроводитель *скупой* употребляется чаще, чем *жадный*, причем краткая форма явно преобладает над полной.

Важно отметить, что анализируемые нами образы-синонимы чаще функционируют без формального показателя компаративных отношений, т. е. в качестве устойчивых метафор, обретая статус эталонного выражения целого комплекса одной яркой черты и неразрывно связанных с нею «периферийных» признаков. Например, в нашей картотеке фрагментов с устойчивой метафорой *Плюшкин* в три раза больше, чем примеров с соответствующим устойчивым сравнением и его трансформами. Назовем основные модели, в которых реализуется данная метафора: 1. «**Настоящий (самый настоящий) + поэтоним**»: *Я познакомился с разными, иногда своеобразными людьми. Так, в одном богатом имении управляющий, полковник в отставке, был настоящим Плюшкиным. Он был так скуп, что дома хлеба не пек, а покупал у нищих кусочки, которые им подавали <...>*. (С. Л. Толстой. *Очерки былого*); 2. «**Ну и + поэтоним!**»: – *Вот, – предложил Пальчиков кусочек сахара. – В кармане затерялся. – Ну и Плюшкин, отозвался Грива. – Полны карманы сахара, а я без чая жить не могу. Молчал, жадина.* (Н. И. Камбулов. *На всю жизнь*).

Гарпагон и *Гобсек*, так же как и *Плюшкин*, чаще используются в качестве метафоры. «Коннотативное родство» этих образов подтверждается их частым употреблением в ближайшем соседстве, в одном синонимическом ряду: *Вы – Плюшкин! Гарпагон! Да, да, и, пожалуйста, не возражайте.* (И. А. Ильф, Е. В. Петров. *Широкий размах*). Подобное сближение имеет место и в случаях неметафорического, безобразного употребления: *Будто я, того и гляди, упаду. Гобсек и Плюшкин удивительные автобиографии. Людей, которые не могут жить как обычные люди, а откладывают на потом.* (О. Г. Мартиросян. *Перед богом, или не все равны // Волга, 2008*).

Метафора *Гарпагон* (в сочетании с согласуемыми прилагательными и без них) чаще всего используется с местоимениями второго лица в роли подлежащих или обращений: *Не забудьте отметить эти сорок франков в вашей толстой книге, вы, старый Гарпагон.* (А. А. Амфитеатров. *Марья Лусьева за границей*).

Все три образа функционируют чаще всего как средства изображения тех или иных качеств мужчины. При использовании этого образа для характеристики неумеренно скупой (жадной) женщины в контексте, как правило, имеют место «сигналы-оговорки», подчеркивающие некоторую необычность подобного употребления: *Жадная она – спасу нет. Прямо Гобсек в юбке. Вера сообразила, что он шутит, и рассмеялась одновременно смущенно и озорно.* (А. Маринина. *Не мешайте палачу*).

Очевидно, что метафора воспринимается как прямое и экспрессивное, безапелляционное обвинение, наклеивание на собеседника «ярлыка» – символа крайней мелочности и скупости. Метафоры *Плюшкин*, *Гобсек*, *Гарпагон* более категоричны в выражении отрицательной коннотации, чем соотносительные с ними устойчивые сравнения; это отвечает самой природе метафоры как особого знака – образной вторичной **номинации**. Не случайно подобные антропонимы и в разговорной речи, и в художественных текстах нередко сопровождаются бранными оценочными характеристиками: *Да мне только это и нужно. Гобсек хренов! Понизив голос, я горячо зашептала <...>*. (И. Павская. «Джоконда» Мценского уезда).

Плюшкин, *Гарпагон* и *Гобсек*, наряду с еще одним широко распространенным литературным образом *Скупой рыцарь* (а также фольклорным образом *Кошачий Бессмертного*, среди коннотаций которого есть и признак скупости, бесполезного накопительства) – книжные синонимы таких экспрессивных, но не образных предикатов, как *жадина* (*жадоба*), *скупец*, *скупердяй*, *сквалыга* (*сквалыжник*), *скряга*, *скупой*, *жадюга*, *скопидом*, *скарда*, *жила*, *жмот*: – *Простите меня, товарищ Кошачий, но вы просто сквалыжник. Самый обыкновенный скупердяй. Такой, извините меня, обобщенный тип даже описан в литературе. Вы – Плюшкин!* (И. А. Ильф, Е. П. Петров. *Широкий размах*). По нашим

наблюдениям, такой ряд экспрессивных синонимов нередко является градационным: он завершается либо устойчивым (общезыковым, общенародным) сравнением, либо устойчивой метафорой.

На семантическую трансформацию авторских антропонимов большое влияние оказывает фактор сочетаемости. Рассмотрим его на примере образа *Плюшкин*.

Метафора-антропоним «Плюшкин» нередко имеет при себе распространители; как правило, это или прилагательные, или неопределенные местоимения «какой-нибудь», «какой-то». При этом последние вовсе не являются синонимами: если слово *какой-нибудь* при употреблении с именем-характеристикой сохраняет свою неопределенную семантику, то *какой-то* полностью ее утрачивает, актуализируя отрицательное отношение говорящего к характеризуемому лицу и эмоцию удивления перед столь неумеренным проявлением скарденности: *Судя по одежде, вы подумали бы, что перед вами какой-нибудь Плюшкин, скупость которого перешла за границы приличий и здравого смысла.* (А. В. Никитенко. *Моя повесть о самом себе*); *Это какой-то Плюшкин, возведенный в квадрат итальянской комедии с ее откровенной масочной условностью.* (Прореха на человечестве // «Культура», 2002.03.25). В последнем случае мы имеем дело со своеобразной партикуляцией местоимения.

Нами выявлены имена прилагательные, чаще всего согласующиеся с именем «Плюшкин» как качественной характеристикой лица. Это прежде всего: 1) качественное прилагательное «новый»: *На Выборгской стороне, в лице миллионера-домовладельца С.У.У-ва, объявился новый Плюшкин. Отказывая себе в самом необходимом, он еще настолько экономит в расходах по дому, что лично присутствует ночью при очистке люков, проверяя, наполняется ли до верха каждая бочка и не обмеривают ли рабочие. Питается этот Плюшкин в чайной, требуя на 5 коп. людских щей. Паны тешатся.* (Петербургский листок, 23 января 1913 г.); 2) относительные прилагательные, образованные от наименований мест (стран) – «немецкий», «французский» и т. п.: *Совсем не просто образ Госсекса, хрестоматийно истолкованный, он не просто скупой рыцарь или французский Плюшкин, это сильный человек, не жмот-скупец, а презирающий человечество философ, незаурядный финансист, поэт, психолог, наблюдатель, не чуждый привязанности и симпатии к Дервилю, и уж совсем не комический персонаж.* (Николай Троицкий. *Дневник*). В рубрике «Газетные старости» («Московская газета», 24(11) ноября 1913 г.) была опубликована короткая заметка под заголовком «Немецкий Плюшкин»: *«В г. Майнце умер на-днях отставной железнодорожный кондуктор, проживший 42 года в тесной темной камерке. В его вещах найдено более чем на 100,000 марок ценных бумаг. Каждый вечер старик ходил в кафе, а сахар уносил домой. Из кусков он строил домики, вокзалы и тому подобное. Найдено около 10000 кусков такого сахара, т. е. более четырех пудов».*

Все эти прилагательные подчеркивают вечность и универсальность выведенного Гоголем характера, что уже вполне осознавалось литераторами XIX в.: «Это огромный талант, говорил он [А. Н. Островский], – гений, который является, может быть, раз в тысячелетие, талант именно общечеловеческий: его Плюшкин, его Собакевич, Хлестаков – все это не столько русские типы данного времени, сколько вечные образцы общечеловеческих страстей и характеров» (Л. Новский. *Воспоминания об А. Н. Островском*).

Коммуникативная востребованность, долгая жизнь антропонимов *Плюшкин*, *Гобсек* и *Гарпагон* (наряду с составным именем *Скупой рыцарь*) связана, вероятнее всего, со «стереоскопичностью» этих образов: вокруг центрального признака «скупой, жадный» мы наблюдаем, так сказать, признаки-«спутники», причем основания сравнения зачастую аксиологически амбивалентны. Ср. болезненная (или вполне оправданная) бережливость; страх (или нежелание) расстаться с накопленными ценностями; мнимость (или подлинность) этих ценностей; страсть к сбережению (к коллекционированию) чего-либо; неспособность (или неумение) употребить накопленное добро с пользой для себя или для других;

опасение остаться без средств к существованию (и при этом отказ от элементарных атрибутов обеспеченной жизни); осторожность и подозрительность и т. д. Более высокая частотность употребления в русскоязычных текстах авторского антропонима *Плюшкин* (по сравнению с образами *Гобсек* и *Гарпагон*) – факт совершенно очевидный, и объясняется он, несомненно, большей известностью этого персонажа в русской культурной среде: гоголевский роман изучается в рамках школьной программы, так что именно эта «вариация» художественного воплощения скупости, что называется, у всех на слуху.

Мы солидарны с теми исследователями, которые полагают, что характеризующая апелляция (термин Р. А. Комаровой) может быть рассмотрена как своего рода семантическая деривация: в результате подобных преобразований антропонимы превращаются в «эмоционально-оценивающие синонимы» лексем-апеллятивов.

Выводы. Устойчивые сравнения и общеупотребительные метафоры – это, по существу, два этапа одного процесса – развития у авторского антропонима предикативной функции. Метафорическое употребление авторских антропонимов в проанализированных нами фрагментах явно преобладает над их использованием в качестве образов устойчивых сравнений, что подтверждает тенденцию ко все большей постепенной апелляции.

Механизм этой семантической эволюции (от идентифицирующей семантики к предикативной, от антропонима к апеллитиву, от собственного имени к нарицательному) характеризуется внутренней противоречивостью. С одной стороны, она связана с «заострением» основного денотативного признака, на основе которого осуществляется сравнение людей с тем или иным литературным персонажем (в нашем случае это признак болезненной скупости, жадности); с другой стороны, эта динамика определяется актуализацией в текстах «сопутствующих», периферийных признаков исходного образа (страсть к собирательству, к бесполезному накопительству, стремление скрыть накопленное от чужих глаз и, как следствие, затворничество). «Апелляциям» способствует характерная для антропонимов-метафор сочетаемость.

Перспективы исследования связаны с углубленным анализом синонимичных образов, восходящих к авторским антропонимам. Их употребление в текстах характеризуется как целым рядом общих признаков, так и различиями, источником которых являются, вероятно, сюжетные особенности литературных источников и национально-культурные коннотации, закрепленные за тем или иным «поэтонимом» в русском языковом сознании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – 2-е изд. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Гинецинский В. И. Типологизация личностных девиаций в поэтике Н. В. Гоголя // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. – 2009. – № 2-1. – С. 287–290.
3. Ковалев Г. Ф. Современное состояние и перспективы развития исследований в области литературной ономастики русских писателей // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве : материалы II Междунар. науч. конф. – Воронеж : Воронеж. гос. техн. ун-т, 2021. – С. 227–237.
4. Комарова Р. А. Семантическое преобразование антропонимов как способ вторичной номинации // Вопросы романо-германского языкознания. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1986. – Вып. 8. – С. 93–101.
5. Кривонос В. Ш. «Мертвые души» Гоголя: изображение человека // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2012. – Т. 71, № 1. – С. 24–31.
6. Кузнецова И. В. Персонажи Библии в славянских устойчивых сравнениях : монография. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т им. И. Я. Яковлева, 2017. – 212 с.
7. Михайлов В. Н. Специфика собственных имен в художественном тексте // Филологические науки. – 1987. – № 6. – С. 78–82.
8. Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимно-антонимический). – М. : ООО «Русские словари»: «ООО Издательство Астрель»: «ООО Издательство АСТ», 2001. – 800 с.
9. Огольцев В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 192 с.
10. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А. В. Суперанская. – М., 1978. – 200 с.

11. Суперанская А. В. Языковые и неязыковые ассоциации собственных имен // Антропонимика : сб. науч. ст. – М. : Наука, 1970. – С. 7–17.
12. Титова А. С. Периферийная зона восприятия прецедентного имени: Плюшкин как полисемантическая единица коммуникативного сознания // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 163, кн. 1. – С. 162–169.
13. Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. – М. : Наука, 1974. – 205 с.
14. Фоякова О. И. Имя собственное в художественном тексте. – Л. : ЛГУ, 1990. – 103 с.

Статья поступила в редакцию 15.04.2022

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka. – 2-e izd. – М. : Yazyki russkoj kul'tury, 1999. – 896 s.
2. Ginecinskij V. I. Tipologizacija lichnostnyh deviacij v poetike N. V. Gogolya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 12. Psihologiya. Sociologiya. Pedagogika. – 2009. – № 2-1. – S. 287–290.
3. Kovalev G. F. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya issledovanij v oblasti literaturnoj onomastiki russkikh pisatelej // Lingvokul'turnye universalii v mirovom prostranstve : materialy II Mezhdunar. nauch. konf. – Voronezh : Voronezh. gos. tekhn. un-t, 2021. – S. 227–237.
4. Komarova R. A. Semanticheskoe preobrazovanie antroponimov kak sposob vtorichnoj nominacii // Voprosy romano-germanskogo yazykoznanija. – Saratov : Izd-vo Saratov. un-ta, 1986. – Vyp. 8. – S. 93–101.
5. Krivonos V. Sh. «Mertyye dushi» Gogolya: izobrazhenie cheloveka // Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka. – 2012. – Т. 71, № 1. – S. 24–31.
6. Kuznecova I. V. Personazhi Biblii v slavyanskikh ustojchivyh sravneniyah : monografiya. – Cheboksary : Chuvash. gos. ped. un-t im. I. Ya. Yakovleva, 2017. – 212 s.
7. Mihajlov V. N. Specifika sobstvennyh imen v hudozhestvennom tekste // Filologicheskie nauki. – 1987. – № 6. – S. 78–82.
8. Ogol'cev V. M. Slovar' ustojchivyh sravnenij russkogo yazyka (sinonimo-antonimicheskij). – М. : ООО «Russkie slovari»: «ООО Izdatel'stvo Astrel'»: «ООО Izdatel'stvo AST», 2001. – 800 s.
9. Ogol'cev V. M. Ustojchivye sravneniya v sisteme russkoj frazeologii. – Izd. 2-e, ispr. i dop. – М. : Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2010. – 192 s.
10. Podol'skaya N. V. Slovar' russkoj onomasticheskoy terminologii / otv. red. A. V. Superanskaya. – М., 1978. – 200 s.
11. Superanskaya A. V. Yazykovye i neyazykovye associacii sobstvennyh imen // Antroponimika : sb. nauch. st. – М. : Nauka, 1970. – S. 7–17.
12. Titova A. S. Periferijnaya zona vospriyatiya precedentnogo imeni: Plyushkin kak polisemantichnaya edinica kommunikativnogo soznaniya // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki. – 2021. – Т. 163, кн. 1. – S. 162–169.
13. Ufimceva A. A. Tipy slovesnyh znakov. – М. : Nauka, 1974. – 205 s.
14. Fonyakova O. I. Imya sobstvennoe v hudozhestvennom tekste. – L. : LGU, 1990. – 103 s.

The article was contributed on April 15, 2022

Сведения об авторе

Огольцева Екатерина Васильевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета, г. Москва, Россия; профессор кафедры славянской филологии Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, г. Москва, Россия, <https://orcid.org/0000-0001-6439-0130>, tertiumcomp@mail.ru

Author Information

Ogoltseva, Ekaterina Vasilyevna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of the Russian Language, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia; Professor of the Department of Slavic Philology, St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0000-0001-6439-0130>, tertiumcomp@mail.ru